STUDIA PHILOLOGICA

И. Д. Дейкун

ЗЕРКАЛО ВЫМЫСЛА

АВТОРСКИЙ МЕТАФИКЦИОНАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ В РУССКОЙ ПРОЗЕ (XVIII–XX ВВ.)

Монография

Издательский Дом ЯСК
Москва 2026

УДК 82.0
ББК 83
Д 27

Научный редактор
д-р филол. наук, профессор *В. И. Тюпа*

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры
русской классической литературы и славистики
Литературного института им. А. М. Горького
Г. Ю. Завгородняя

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории гуманитарного знания
Российского государственного гуманитарного университета
А. В. Корчинский

Дейкун И. Д.

Д 27 Зеркало вымысла: авторский метафикциональный комментарий в русской прозе (XVIII–XX вв.). — М.: Издательский Дом ЯСК, 2026. — 296 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-6053501-8-7

В монографии И. Д. Дейкуна впервые в отечественном литературоведении предложена целостная теория авторского метафикционального комментария (АМК) — одной из ключевых форм рефлексии фикциональности в повествовательной прозе. Автор объединяет традиции отечественного учения об авторском комментарии с достижениями немецкой постклассической нарратологии и разрабатывает типологию исторических форм АМК в русской прозе XVIII–XX веков. Исследование проведено в диахронической перспективе и охватывает смену литературных субпарадигм — от классицизма до постмодернизма. Особое внимание уделяется проблеме субъекта комментария, его соотношению с категорией автора, а также гносеологическому и онтологическому статусу метаязыка в художественном тексте.

Монография представляет интерес для литературоведов, занимающихся теорией и историей литературы, нарратологией, поэтикой прозы, а также для исследователей в области философской эстетики и философии литературы.

УДК 82.0
ББК 83

На обложке: Караваджо. Нарцисс (1597–1599)

ISBN 978-5-6053501-8-7
9 785605 350187 >

© И. Д. Дейкун, текст, 2026
© Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, 2026

Оглавление

Введение 9

Глава 1. Авторский комментарий (АК) и метафикциональность 17
1.1. Авторство и комментарий в АК. История и актуальное понимание 19
1.1.1. АК как комментарий. Функция и жанр 24
1.1.2. Автор АК как субъект и как функция 29
a. Автор АК внутри текста. 32
b. Проблема фиктивного субъекта АК как примечания. Теория паратекста 35
1.1.3. АК внутри и на периферии художественного произведения 40
1.2. Авторский метафикциональный комментарий (АМК). АК в метафикциональном дискурсе и метафикциональный дискурс в АК 41
1.2.1. Метафикциональность как дискурс. Монотекстовый, в композиции произведения, в интертекстуальном аспекте 41
a. Метафикциональный монотекстовый дискурс 45
a.1. Эксплицитно-метафикциональный монотекстовый дискурс. Авторская функция. 48
a.2. Имплицитно-метафикциональный монотекстовый дискурс. Автореферентность 49
b. Метафикциональный дискурс как часть композиции произведения 51
c. Рефлексивный интертекстуальный дискурс и гносеологическое понимание рефлексии 54
1.3. Общая типология АМК. 59

Глава 2. АМК в художественном произведении как монотекстовом дискурсе 63
2.1. Диахроническое изучение АМК в монотекстовом дискурсе 64
2.1.1. Общая теоретическая рамка. Членение литературного процесса в свете АМК: эпоха и парадигма 64

2.1.2. Частные особенности диахронического изучения метафикциональности в повествовательной прозе. Критика предыдущих подходов в свете изучения АМК 68
a. Проблема классического реализма XIX века в изучении АМК. 68
b. Роман в изучении метафикциональности, романизация в изучении АМК. 70
c. Комическое как мотивировка АМК. Модусы художественности и жанровые стратегии. 73
d. Итог теоретической корректировки. Факторы АМК 77
2.1.3. АМК в субпарадигме классицизма 78
2.1.4. АМК в субпарадигме предромантизма 84
2.1.5. АМК в субпарадигме романтизма 88
2.1.6. АМК в субпарадигме постромантизма 96
2.1.7. АМК в субпарадигме символизма 106
2.1.8. АМК в субпарадигме постсимволизма 111
2.1.9. АМК в постмодернистский период 117
2.1.10. Мотивировки АМК в динамике смены субпарадигм художественного сознания 124
2.2. Конструктивные особенности АМК в свете его жанрово-методической сущности 126
2.2.1. Жанровая и методическая сущность АК как комплекса 127
2.2.2. Функциональная роль комментария в композиции произведения и метод комментирования 130

Глава 3. АМК в композиции произведения. Категория автора и уровень высказывания 145
3.1. Резонерство, объективация, авторизация. Три варианта соотношения субъектов АМК в композиции и в ценностной структуре произведения 146
3.2. Эксплицитный авторский комментарий в художественной прозе. Резонерство и объективация 149
3.2.1. Эксплицитный авторский МК в субпарадигме классицизма 150
3.2.2. Эксплицитный авторский МК в субпарадигме предромантизма 156
3.2.3. Эксплицитный авторский МК в субпарадигме романтизма 159
3.2.4. Эксплицитный авторский МК в субпарадигме постромантизма 165
3.2.5. Эксплицитный авторский МК в субпарадигме символизма 169
3.2.6. Эксплицитный авторский МК в субпарадигме постсимволизма 171

3.2.7. Эксплицитный авторский МК в период постмодернизма 178
3.3. Имплицитный авторский МК. Авторизация 183
3.3.1. Имплицитный авторский МК в субпарадигме романтизма 185
3.3.2. Имплицитный авторский МК в субпарадигме постромантизма 189
3.3.3. Имплицитный авторский МК в субпарадигме символизма 192
3.3.4. Имплицитный авторский МК в период постмодернизма 194

Глава 4. АМК в контексте рефлексивных областей интертекстуального дискурса. Референция и предметность АМК 199
4.1. АМК в диегетическом и экстрадиегетическом пространстве вымышленного мира 205
4.1.1. Классицистический АМК. Алогизм и металепсис 205
4.1.2. АМК в диегетическом мире эпистолярной прозы: классицизм и постромантизм 208
4.1.3. АМК в пространстве фиктивных редактора и издателя: классицизм, постромантизм, (символизм), постмодернизм 209
4.1.4. «Романтический АМК». Контаминация диегетического мира и авторского сознания: предромантизм, романтизм, постромантизм, символизм, постсимволизм 212
4.1.5. АМК в рамочной истории: романтизм, постромантизм, постсимволизм, постмодернизм 217
4.1.6. Выводы. Ценностная централизация АМК и эволюция рамы текста 226
4.2. Фикции метаязыка АМК в диегетическом мире произведения 228
4.2.1. Строгая и нестрогая методические установки АМК 228
4.2.2. Строгая методическая установка комментария 229
a. Историографические фикции в метафикциональном комментарии 229
b. Риторико-мифологические фикции в метафикциональном комментарии 235
c. Автобиографические фикции в постмодернистском авторском комментарии 237
4.2.3. Нестрогая методическая установка комментария 239
a. Обращение в АМК к языку галантной истории 239
b. Фикция критики вкуса 241
c. Фикции литературно-критических концепций 243
d. Автолитературоведение. Автокритика. Авторское концептуальное литературоведение 245
e. Философские метаязыки в метафикциональном комментарии 248

Заключение 255

Литература 259
I. Источники 259
II. Научная и критическая литература 261

Приложение 275
I. Таблицы к главе 1 275
II. Сводная таблица результатов диахронического изучения АМК . . . 276
Таблица к главе 2, к параграфу 1 276
Таблица к главе 3 278
Таблица к главе 4, к параграфу 1 280
Таблица к главе 4, к параграфу 2 282
Таблица видов комплексов АК к главе 2, к параграфу 2 284
Таблица диахроническая к главе 2, к параграфу 2 285

А. В. Марков. Метод, жанр, фикция: треугольник Дейкуна 286

Введение

Рефлексия фикциональности в художественной прозе, то есть осознание автором художественного текста интенциональных актов, посредством которых произведение было осуществлено, — одна из центральных тем в современном литературоведении, которое сталкивается с проблемой художественного статуса автофикциональной прозы, художественной теории (*theory-fiction*), романов-комментариев и других произведений, ассимилирующих в себе художественно-поэтические и литературно-критические, литературоведческие, общенаучные методы и подходы.

Понимание рефлексии предполагает как субъектный аспект, например нахождение субъектом отношений представления к условиям познания, или, в более общем смысле, мысль субъекта о собственном мышлении, направленность его внимания на собственный мыслительный акт, так и социальный, например наличие дисциплинарных форм знания, осмысляющих фундаментальные принципы и закономерности соответствующих областей науки. Рефлексия художественная также двуаспектна. Во-первых, ментальная специфика рефлексии проявляется в том, что без нее не обходится эстетическое созерцание, которое завершается осознанием закономерностей эстетического объекта[1]. Во-вторых, художественная культура как таковая рождается вместе с рефлексией собственной отъединенности от других социальных практик. Так, С. С. Аверинцев пишет: «…литературу, живущую в присутствии риторической теории, отделяет от словесного искусства "вообще" <…> момент систематической рефлексии…»[2], и он же в другой статье говорит о социальных формах этой рефлексии: «…традиция европейской филологии всецело восходит к греческим истокам; у ее начала стоит школьное комментирование поэм Гомера»[3].

---

[1] *Гартман Н.* Эстетика. Киев: Ника-Центр, 2004. С. 8: «Эстетическая рефлексия при всех обстоятельствах запаздывает. Она может начаться после того, как эстетическое созерцание и непосредственно получаемое наслаждение прекрасным совершились».

[2] *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской культурной традиции. М.: Школа «Языки русской литературы», 1996. С. 8.

[3] *Аверинцев С. С.* Филология // *Аверинцев С. С.* Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 973–979.

Комментарий является ключевой формой культурной рефлексии. На круглом столе 2006 г. Вяч. Вс. Иванов задал провокационный вопрос: «Можно ли считать, что многие гуманитарные науки вообще и по существу являются не чем иным, как развернутым комментарием к тексту?»[4]. В том же обобщительном духе и редакторы кембриджского «Companion to Textual Scholarship», Джулия Фландерс и Нил Фрайстат, говорят, что исследование текста, его критика, то есть прежде всего комментирование в классическом смысле, — это «история истории»[5]. В. В. Файер говорил об «истории» как о развернутом «реальном комментарии»[6]. В сходстве операций контекстуализации исторического источника, идентификации через него культурного контекста, по О. М. Медушевской[7], и методов, коррелирующих с «текстологической», «историко-литературной», «реальной», «историко-рецептивной» частями академического комментария, по И. А. Пильщикову[8], усматривается центральное положение комментария как специфической формы рефлексии для гуманитарной культуры.

Иными словами, комментарий в гуманитарных областях знания сливается с рефлексией вообще, и, как заметил С. Н. Зенкин, его дефиниция «рискует оказаться непомерно широкой», ведь комментарием могут быть «устное произнесение, театральная постановка, адаптация, а в известном смысле даже любое отдельное слово текста по отношению к другому…»[9]. О том же, но в позитивном тоне, пишет в предисловии к статье К. Г. Исупова редактор «Вопросов литературы»: «…комментарий — это не просто один из основных жанров филологического исследования. Это одна из непременных и важнейших составляющих любого филологического высказывания, если не любой рефлексии вообще»[10]. Поэтому исследователи комментария

---

[4] *Иванов Вяч. Вс.* Текст и комментарий, или Автокомментарий к тексту анкеты // Текст и комментарий: круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М.: Наука, 2006. С. 25.

[5] *Fraistat N.* Introduction // The Cambridge Companion to Textual Scholarship / Ed. by N. Fraistat, J. Flanders. Cambridge; New York; Melbourne; Madrid; Cape Town; Singapore; São Paulo: Cambridge University Press, 2013. P. 3.

[6] *Файер В. В.* Рождение филологии. «Илиада» в Александрийской библиотеке. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. С. 8.

[7] Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пос. / Ред. и сост.: И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. С. 124.

[8] *Пильщиков И. А.* Тибулловы элегии в переводе Батюшкова: Материалы для академического комментария // Текст и комментарий: круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М.: Наука, 2006. С. 270–274.

[9] *Зенкин С. Н.* Комментарий и его двойник // *Зенкин С. Н.* Работы о теории: статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 233.

[10] *Исупов К. Г.* Вненаходимость комментатора. URL: https://voplit.ru/2022/02/04/vnenahodimost-kommentatora/ (дата обращения: 29.04.2025).

часто прибегают к приему обращения к элементарным, но нормативным определениям, как это сделал А. И. Рейтблат, процитировав «Словарь русского языка» (1982): «…комментарий — толкование, разъяснение какого-либо текста»[11].

Так же сделаем и мы, приведя установочные дефиниции. Комментарий для нас — это и форма рефлексии, и жанровая, исторически сложившаяся форма исследования текста, а рефлексия для нас — это прежде всего рассудочный аспект самосознания. Если рефлексия была присуща человеку разумному всегда и, имманентно, присутствует в каждом произведении человека, то комментарий как практика филологической дисциплины первоначально был принципиально отделен от художественного произведения. Здесь следует уточнить, что не только в письменных текстах, но и в устных произведениях. Н. В. Брагинская пишет, что «разнокультурный и разновременный обширнейший репертуар культурных форм, фольклорных и прототеатральных», указывает, что «в них во всех присутствует Комментатор». Показ сопровождается «словесным комментарием»[12]. Напротив, в письменной литературе, причем в самой ранней и еще не художественной, например в шумерских клинописных памятниках, комментарий от текста отделялся графически, «клиньями»[13]. Комментарий как пояснение к тексту от текста всегда отделен. Потребовалось довольно долгое время, чтобы Данте в «Новой жизни» (1293) обрамил поэтические произведения модифицированным схоластическим комментарием, который составляет композиционную часть произведения, которое, как выявляется в анализе Э. Р. Курциуса, сам автор мыслил одновременно как поэтическое и философское[14]. Так, А. Данте считается пионером авторского комментария (далее АК) и полагает начало фигуре ученого автора и понятиям «*poeta doctus*», «*artifex doctus*» (‘ученый мастер’, ‘ученый творец’), «*poesia docta*» (‘ученая поэзия’), «*poeta-inventor*» (‘поэт-изобретатель’)[15]. Однако отделенность комментария от комментируемого у Данте сохраняется в резком контрасте прозы и поэзии.

Вплоть до нынешнего времени АК в поэтическом произведении представляет отдельное направление исследования: исследователи авторского примечания

---

[11] *Рейтблат А. И.* Комментарий в эпоху Интернета (Методологические аспекты) // Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 167.

[12] *Брагинская Н. В.* Комментарий как механизм инновации // Текст и комментарий: круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М.: Наука, 2006. С. 136.

[13] *Иванов Вяч. Вс.* Глоссовый клин как способ металингвистического комментирования в клинописных культурах // Текст и комментарий: круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М.: Наука, 2006. С. 210.

[14] *Курциус Э. Р.* Европейская литература и латинское Средневековье: в 2 т. Т. 1. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С. 343.

[15] *Сазонова Л. И.* Авторский комментарий в пространстве произведения // *Сазонова Л. И.* Комментарий: теория и практика. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 259.

сосредоточены на выносных, подстрочных и затекстовых комментариях при поэтическом тексте. Исследователи «прозиметрума», текстов, «состоящих из разных по своему ритмическому статусу фрагментов» [16], и ансамблевых текстов, неизбежно включают в рассмотрение тексты с комментативными фрагментами.

С другой стороны, исследователи прозы давно обнаружили, что комментарий, то есть пояснения автора, проявляется как дискурсивные вторжения в нарратив без четкой жанровой специфики. «Les intrusions d'auteur», раскрытые в 1953 г. Ж. Бланом как авторская стратегия в прозе Стендаля, сразу же обратили внимание исследователей на родственные моменты комментаторской, пояснительной активности автора в прозе Скотта, Стерна, Дидро, Рабле [17] и т. д. Мы специально отмечаем через запятую, что комментарий смешивается с любым пояснением. В нарратологических штудиях, например, у У. Бута комментарием называются такие вторжения авторского дискурса, как фактографическая справка, обобщение, парантезы, отступления, сноски (*footnotes*) [18], и даже малейшие направления читательского внимания, как ценностная характеристика персонажа, или указание, кому принадлежит реплика. Во французском структурализме такое понимание комментария отразилось в понятии нарраториального дискурса в противоположность истории: аспекты и модусы повествования содержат образ нарратора [19].

В итоге постепенной разработки проблемы комментария в художественном произведении проявилась существенная разница между исследователями прозы и поэзии. Исследователи авторского примечания в поэзии до сих пор ограничиваются классификацией примечаний по внехудожественным, текстологическим критериям проявляемого в них аспекта исследования текста. Наибольшим вкладом в исследование АК в поэтическом тексте стало исследование Ю. Н. Чумакова (1970), где он предположил, что по субъектному и тематическому критериям подстрочные примечания в романе «Евгений Онегин» составляют с произведением единое целое [20]. Другим достижением, напрямую не связанным с изучением поэзии, но тут же интегрированным в изучение примечаний при ней, стала теория Ж. Женетта о транстекстуальных связях. Ж. Женетт выделил такие связи между текстами, как паратекст и метатекст. Первый обозначает «периферию текста», дальнюю и ближнюю, включающую все элементы от заглавия, предисловия, эпиграфа,

---

[16] *Орлицкий Ю. Б.* Стихи и проза в русской литературе. М.: РГГУ, 2002. С. 23.

[17] *Mora E.* Stendhal et le problème du roman. Stendhal et les problèmes de la personnalité // Revue des Deux Mondes (1829–1971). 1959. P. 160.

[18] *Booth W.* The Rhetoric of Fiction. Chicago; London, 1983. P. 169–172.

[19] *Todorov Tz.* Les catégories du récit littéraire // Communications. 1966. No. 8. P. 146.

[20] *Чумаков Ю. Н.* Состав художественного текста «Евгения Онегина» // Пушкин и его современники / Учен. зап. Ленинградского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Т. 434. Псков, 1970. С. 29–30.

примечания до оглавления, аннотации на обложке, а также интервью и даже публичное поведение автора[21]. Метатекстуальность же является критической связью между текстами, подобной комментаторской связи[22]. Это позволило ряду исследователей поэзии ввести такой объект исследования, как «автометапаратекст»[23], устные или письменные критические пояснения автора, сопровождающие произведение, в основном, правда, речь идет об устных исполнениях песен.

Параллельно на материале повествовательной прозы была разработана детализированная теория повествовательного дискурса, позволившая различить функции нарраториального комментария в повествовании и уровни его высказывания. Так, Ц. Тодоров выделяет в дискурсе нарратора, наряду с прочими особенностями, рефлексию как его субъектную репрезентацию и образ автора, проявляемый в указании нарратором на конвенции дискурса[24]. М. Фуко отмечает, что в произведении нарраториальный дискурс разнороден, комментарии нарратора разномасштабны: от пояснения к конкретной сцене до приведения таблиц и научных фактов, объясняющих вымышленный мир[25]. Ж. Женетт указал на историческую динамику соотношения в повествовательной литературе рассказа и дискурса как личной субъективной речи, от обрамляющего рассказ комментария в XVIII в. к чистому рассказу в XIX в., к предельной дискурсивности века XX[26].

На материале нарраториального комментария в повествовательной прозе был впервые поставлен вопрос о «рефлексии фикциональности». Так, У. Гасс вводит понятие «метапрозы» (*metafiction*), обозначая этим словом осознанность автора о природе вымысла, когда он указывает на лежащие в основе своей творческой концепции философские представления[27]. Чуть ранее Р. Барт сделал объектом своего исследования «металитературу», которая осознает свою двойственность как «речь

---

[21] *Genette G.* Paratexts: Thresholds of Interpretation. Oakleigh, 1997. P. 3.

[22] *Lepaudier L.* Introduction // *Lepaudier L.* Métatextualité et métafiction: Théorie et analyses. URL: https://books.openedition.org/pur/29653 (дата обращения: 29.04.2025).

[23] Существует целая традиция изучения автометапаратекста (*Малкина В. Я.* Жанр баллады в творчестве А. Галича (постановка проблемы) // Новый филологический вестник. 2008. Т. 7. № 2. С. 104–10; *Доманский Ю. В.* Рок-поэзия: перспективы изучения // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2013. № 14. С. 7–35). Возникновение понятия относится к 2006 г., оно появляется в заглавии статьи Н. А. Безруковой (*Безрукова Н. А.* Смыслообразующая функция автометапаратекста в концертном наследии Владимира Высоцкого. URL: http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=377 (дата обращения: 29.04.2025)).

[24] *Todorov Tz.* Op. cit. P. 147.

[25] *Foucault M.* Arrière-Fable // *Foucault M*. Dits et Écrits. Paris, 1994. VI. P. 507–509.

[26] *Genette G.* Frontières du récit // Communications. 1966. No. 8. P. 160–161.

[27] *Gass W.* Philosophy and the Form of Fiction // *Gass W*. Fiction and the Figures of Life. New York, 1970. P. 25.

и речь об этой речи, предмет и взгляд на предмет»[28]. Однако впервые предмет исследования рефлексии фикциональности в форме комментария — «метафикциональный комментарий» (далее МК) — сформулируют немецкие постклассические нарратологи. В фундаментальном исследовании метафикциональных стратегий повествования В. Вольф выделяет «*Metafictionaler Kommentar*» как комментарий о художественности произведения, включенный в его ткань и, таким образом, автореферентный[29]. Этот комментарий, согласно В. Вольфу, может быть двух видов: о референции повествуемого, в терминах ученого *fictum*-МК, или об устройстве повествования, его речевой манере, художественно-языковой форме, *fictio*-МК. Эти два вида комментариев составляют содержательные эксплицитные проявления метафикциональности в прозе[30]. А. Ньюннинг, выделив из фикцио-МК метанарративный комментарий, тематизирующий не моменты создания нарратива, а сам акт наррации, безотносительно к его художественному статусу, предложил более подробную классификацию метакомментариев вообще, предполагающую рассмотрение субъекта комментария, уровня его высказывания, медиальной иллюзии нарратива (устное, письменное повествование), синтагматической и тематической интеграции комментария, его структурной и композиционной мотивировки. Его наибольший вклад заключался в дифференциации метакомментария по критерию его ценностного содержания на общеметанарративный / метафикциональный комментарий, где «обще» означает, что комментируется идея нарративности или вымысла вообще, проприо-МК, осуществляемый субъектом комментария к собственному тексту, к его аспектам, к собственным актам вымысла, и алло-МК — к чужому, выраженному в художественном тексте творчеству[31]. Наконец, М. Флудерник объединяет и подытоживает наработки А. Ньюннинга и В. Вольфа, предлагая четко разделять метанарративный комментарий, касающийся нарраториального уровня, и МК, касающийся структурного, тематического и символического уровней произведения[32].

Таким образом, именно в постклассической нарратологии и на предмете повествовательной прозы сложилась строго разработанная классификация и типология МК. МК же — это форма «рефлексии фикциональности», и, таким образом,

---

[28] *Барт Р.* Критика и истина // *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 131.

[29] *Wolf W.* Ästhetische Illusion und Illusionsdurchbrechung in der Erzählkunst. Theorie und Geschichte mit Schwerpunkt auf englischem illusionsstörenden Erzählen. Tübingen, 1993. S. 222.

[30] Ibid. S. 247.

[31] *Nunning A.* On metanarrative: Towards a definition, a typology and an outline of the functions of metanarrative commentary // The Dynamics of Narrative Form: Studies in Anglo-American Narratology. Berlin; New York, 2005. P. 30.

[32] *Fludernik M.* Metanarrative and metafictional commentary: From metadiscursivity to metanarration and metafiction // Poetica. 2003. Vol. 35. No. 1–2. P. 28.

предмет нашего исследования вписывается в этот вектор исследований постклассической нарратологии.

С другой стороны, имманентное данной теории понятие комментария как вторжение дискурса нарратора в повествование не позволяет в полной мере раскрыть его паратекстуальную специфику. На паратекст делается упор как раз в отечественном учении об АК, опирающемся на исследования авторских примечаний в поэзии. У разъединенности этих традиций есть ряд следствий.

Из-за того что вследствие постулата об отсутствии прямых реплик конкретного биографического автора в повествовании «авторский комментарий», как он понимается в отечественной традиции, в повествовательной прозе стал логически невозможен, он в современных исследованиях заменяется другими понятиями. В лингвистических и ориентированных на лингвистическую терминологию работах активно используется понятие метатекста как, в широком и общем смысле, «высказывание говорящего о своем высказывании»[33]. Иногда используется понятие «рефлексив» как «метаязыковое высказывание, комментирующее употребляемое слово или выражение»[34].

Иногда понятие АК используется наивно, без уточнения, какой повествовательной инстанции он атрибутируется, как в лингвистической по методологии диссертации О. В. Щелкуновой (2019), где предлагается упрощенная схема художественной коммуникации: «Автор — Текст — Читатель». Либо несистемно разделяется нарраториальная атрибуция внутритекстового комментария и авторская внетекстового комментария[35]. Либо комментарий превращается в общий термин для разных элементов паратекста, как в работе Н. В. Володиной, где исследуется предисловие как авторский комментарий смысла текста[36]. Либо просто не дифференцируется из феномена, часть которого составляет, как в исследовании «романа о романе» Н. С. Бочкаревой и И. В. Сусловой (2010)[37], в исследованиях «метапрозы», где понятие АК вообще не употребляется[38]. Это соответствует исходной, зафиксированной нами

---

[33] *Перфильева Н. П.* Метатекст в аспекте текстовых категорий: монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. С. 30.

[34] *Иванников Е. Б.* Языковая рефлексия: от метатекста к рефлексиву // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1 (55). С. 341.

[35] *Филиппова А. К.* Лингвостилистические особенности автокомментария Томаса Манна к роману «Будденброки» // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2012. № 151. С. 164–172.

[36] *Володина Н. В.* Предисловие как жанр автокомментария в творчестве И. С. Тургенева // Научный диалог. 2021. № 2. С. 163–174.

[37] См.: *Бочкарева Н. С., Суслова И. В.* Роман о романе: преодоление жанра (на материале русской и французской литератур 20-х годов XX века): монография. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010. 148 с.

[38] См., например, статьи: *Осовский О. О.* Явление метапрозы в контексте литературоведческих исканий последних десятилетий // Вестник Татарского государственного

в исследовании истории понятия[39] путанице в определении АК, наметившейся особенно ясно в 20-х гг. XX в., когда понятие распалось на пять конкурирующих трактовок: АК как авторские дискурсивные вторжения, как примечания, как комментирующее отношение между некомментативными художественными текстами автора, как комментирующее отношение писем и других высказываний автора к произведению, как вольный, субъективный комментарий.

Между тем вполне жанрово и субъектно определенный авторский метафикциональный комментарий (далее АМК) является наиболее важной формой рефлексии фикциональности в прозе. Тогда как, в свою очередь, повествовательный прозаический текст, если следовать консенсусу теоретиков фикциональности, является прерогативным и наиболее репрезентативным феноменом реализации разнообразных стратегий вымысла.

Художественная проза, во-первых, традиционно определяется через вымысел, тогда как дифференцирующий признак художественности поэтического текста — языковой[40]. Во-вторых, в прозе достигается специфическая для вымысла насыщенность деталями, «*the fictional plenitude*»[41]. В плане общеантропологического понимания вымысла игра в со-воображение связана прежде всего с рассказом, который поддерживает слушатель, с феноменом «совместных мечтаний» *collaborative daydreams*[42].

Данное исследование вписывается в проект изучения МК в рамках постклассической нарратологии, но при этом дополняется реконструкцией отечественной теории АК и комплексом методологических, в частности заимствованных из теоретической текстологии и теоретической поэтики, инструментов для выявления комплексного объекта АМК в художественной повествовательной прозе. В данном исследовании мы рассматриваем метафикциональные комментарии как часть авторского дискурса, то есть дискурса, принадлежащего фиктивному субъекту с качествами и свойствами автора, в повествовательной прозе, на периферии текста и внутри него.

гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 2 (20). С. 174–177; *Чемодурова З. М.* Рефлексивная авторская игра в метапрозе // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 7. № 2. С. 160–171; *Воробьева А. Ю.* Некоторые особенности жанра метапрозы. Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 381–383.

[39] *Дейкун И. Д.* Рождение «авторского комментария». История понятия с появления словоформы до критической рецепции (1921–1935) // Филология: научные исследования. 2025. № 1. — URL: https:/nbpublish.com/lbrary_read_articke. php?id=73081 (дата обращения: 29.04.2025).

[40] *Женетт Ж.* Вымысел и слог (Fictio et diction) // *Женетт Ж.* Фигуры: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. С. 354.

[41] *Deutsch H.* Making up Stories // *Deutsch H.* Empty Names, Fiction and the Puzzles of Non-Existence. California, 2000. P. 155–156.

[42] *Walton L. K.* Mimesis as Make-Believe. On the Foundations of the Representational Arts. Cambridge; London, 1990. P. 43–44.

Глава 1

Авторский комментарий (АК) и метафикциональность

Научный инструментарий для изучения МК оформился и был развит в рамках постклассической нарратологии, но МК — это далеко не АК, они представляют собой результаты двух параллельных процессов теоретического осмысления комментария как функции и как жанра. Задача данной главы объединить эти теории. Мы разберем состав комплексных понятий «авторского комментария» и «метафикционального комментария», определим, что является «авторским», «комментативным» и «метафикциональным» в свете АМК, исследуем, насколько важна именно «авторская» атрибуция АМК и именно «жанровая» его специфика.

По В. Вольфу, МК — это наиболее очевидный маркер метапрозы, именно его наличием традиционно метапроза отделяется от прозы другого вида[1]. Метапроза (*Metafiktion*) для В. Вольфа не направление постмодернистской прозы, а один из терминов-синонимов, наряду с «романтической иронией», «эпической иронией», «демонстрацией вымысла», которые В. Вольф более точно формулирует как повествовательные стратегии разрушения эстетической иллюзии (*illusionstörenden Verfahren*). Поэтому метапрозу можно переформулировать как следствие стратегии разрушения эстетической иллюзии, а именно как метафикциональность художественного текста. Она может быть имплицитной или эксплицитной[2]. Имплицитная метафикциональность реализуется посредством стратегий демонстрации знаков иллюзорности, например через описание невозможных событий или усложнение языка повествования[3], эксплицитная метафикциональность осуществляется за счет комментирования иллюзорности изображаемого произведением вообще или в его отдельных аспектах[4]. Таким образом, МК является самым явным

[1] *Wolf W.* Op. cit. S. 470.

[2] Ibid. S. 232–233.

[3] Ibid. S. 465.

[4] Ibid. S. 465.

элементом разрушения иллюзии. Здесь возникает два вопроса: что такое комментарий и что такое метафикциональность, с учетом их взаимосвязи.

Начнем с первого. Комментарий у В. Вольфа — это ненарративная часть дискурса, определяемая функционально. В случае МК функция — обозначение иллюзорной природы объекта комментария. В последовавших за трудом В. Вольфа работах А. Ньюннинга и М. Флудерник такая функциональная трактовка берется за исходную. Причем речь идет преимущественно о нарраториальном комментарии, о комментарии, субъектом которого является повествователь. Это соответствует дефиниции «комментария» в «Dictionary of Narratology» Дж. Принца, где он определяет его как «комментирующий экскурс нарратора, вторжение автора (в смысле *intrusions d'auteur*. — *И. Д.*), вторжение нарратора, которое выходит за пределы определения или описания предметов, субъектов и событий повествования»[5]. В «The Cambridge Companion to Narrative» (2007) комментарий рассматривается в свете теории У. Бута об «открытом авторском комментарии» (*overt authorial commentary*). Дж. Фелан пишет, что открытый и скрытый комментарий связаны с риторической стратегией автора, направленной на вовлечение читателя в повествование[6]. Автор посредством комментария выполняет две главные функции: интерпретирует сообщаемое о характерах и событиях истории и дает их оценку[7]. В «Handbook of Narratology» (2009) комментарий рассматривается в рамках концепции В. Вольфа как признак метапрозы, то есть наличие в том или ином пассаже текста комментативных фрагментов[8]. Речь никогда не идет о комментарии как жанре. Разве что в историческом обозрении категории автора, говоря о практиках толкования, свойственных ученым поэтам раннего Нового времени, Й. Шёнерт говорит о том, что они предпочитали форму комментария, соотносящую текст с предыдущим авторитетным источником[9], то есть эта форма рассматривается как историческая и референтный понятию «*commentary*» феномен для нарратологического анализа неактуален.

Это укорененное в нарратологии функциональное представление о комментарии совпадает с одним из исторически сложившихся и до сих пор используемых в отечественном литературоведении определений понятия АК, поэтому, как мы покажем ниже, АК часто заменяется выражением «нарраториальный комментарий». Тем временем, по нашему мнению, рассмотрение комментария как жанра может стать значительным подспорьем в уточнении теории МК в постклассической

---

[5] *Prince G.* A Dictionary of Narratology. Lincoln; London, 2003. P. 14.

[6] *Phelan J.* Rhetoric/ethics // The Cambridge Companion to Narrative. Cambridge; New York; Melbourne; Madrid; Cape Town; Singapore; São Paulo, 2007. P. 207–208.

[7] Ibid. P. 205.

[8] *Neumann B.* Metanarration and Metafiction // Handbook of Narratology. Berlin; New York, 2009. P. 207.

[9] *Schönert J.* Author // Handbook of Narratology. Berlin; New York, 2009. P. 5.

нарратологии, так как в нем акцентирована не только связь с субъектом дискурса и с качеством авторитетности дискурса, но также связь с методической природой комментария как исторической формы исследования текста. Последний аспект может помочь определить место МК в паратексте[10] и раскрыть собственные закономерности комментария как ненарративного жанрового образования в авторском дискурсе, а также метакомментария как его вида. То есть мы предлагаем не заменять предикат «авторский» на «нарраториальный» в выражении понятия, а рассмотреть МК как один из видов понятого в своей жанровой и методической специфике АК в художественном произведении.

1.1. Авторство и комментарий в АК. История и актуальное понимание

АК — это сложившееся в отечественном литературоведении понятие, исторически обозначающее трудно подводимый под общий знаменатель ряд форм авторского дискурса, как внутри художественного произведения, так и на его периферии. Трактовки этого понятия можно разделить на 5 групп, в каждой из этих групп мы выделим историческое употребление (а) и современное определение, наследующее историческому (б).

1) АК определяется как «авторские» отступления в повествовании, комментирующие те или иные моменты художественного произведения. А) В этом значении понятие впервые употребляется П. С. Коганом в книге «Литература великого десятилетия» (1927), где «авторским комментарием» называется внутритекстовая рефлексия «автором» поставленных в тексте идеологических проблем[11]. Однако в данной работе — это простое единичное употребление, без дефиниции. Более обоснованное употребление понятия встречается в статье В. В. Гофмана «Место Пильняка» (1928), где АК осмысляется как прием, имеющий значимое место в авторской поэтике: «Эта условность, “литературность”, проистекает из непрестанного ощущения авторской воли, авторской руки, которая слишком легко и свободно уводит читателя в литературный паноптикум». Пильняк «обнажает свое писательское лицо и свое ремесло»[12]. Это обнажение — следствие механического соположения истории

[10] В. Вольф посвящает паратексту один параграф, ценный тем, что в нем анализируется именно функция отдельных его элементов. Для В. Вольфа каждый элемент паратекста — заглавие, эпиграф, предисловие, примечание и т. д. — может содержать комментарий как функциональное отношение в структуре произведения, активирующее метаэстетическую рефлексию читателя. См.: *Wolf W.* Op. cit. S. 260–262.

[11] *Коган П. С.* Литература великого десятилетия. М.; Л., 1927. С. 140.

[12] *Гофман В.* Место Пильняка // *Гофман В.* Борис Пильняк: статьи и материалы. Л.: Academia, 1928. С. 21–22.

и дискурсивного АК: «Кажется порою, что у Пильняка просто ряд записанных назидательных фабул с комментариями автора»[13]. Б) В современном литературоведении «авторские» внутритекстовые комментарии изучаются как нарраториальные комментарии. Например, Е. Ю. Сокрута (Моисеева) отделяет филологически комментарий от комментария нарратора, говоря, что субъект нарраториального комментария «онтологически принадлежит повествуемому миру»[14] и, следовательно, им производится квазикомментирование. Такой нарраториальный комментарий трактуется исследовательницей как постмодернистский прием усложнения композиции, но при этом в ее анализе видно, что он имеет черты комментария как жанра. Так, на примере романа «Дом листьев» М. Данилевского она пишет:

> Перед нами не один уровень комментариев, но несколько слоев: во-первых, сам Дзампано комментирует свою рукопись, снабжает ее сложной системой ссылок и сносок <…>. Во-вторых, рукопись комментирует Труэнт — правда, он делает это совершенно иначе, бесконечно описывает свои впечатления от прочитанного, перемежая их дневниковыми записями, фотографиями, историями из собственной жизни и письмами, которые он получает от матери, находящейся в сумасшедшем доме[15].

Из этой цитаты видно, что персонажи Дзампано и Труэнт в действительности прибегают в толковании текста к форме комментария как жанра, хоть и модифицируют его, а отмеченная многоуровневость повествования обеспечивается переходом к ненарративному дистанцирующему дискурсу комментария. То есть налицо ошибка: комментарий Труэнта в книге дан в подстрочном примечании, как специально оговаривает фиктивный издатель: «Дабы избежать лишней путаницы, сноски, сделанные г-ном Труэнтом, будут набраны шрифтом “Курьер”, а принадлежащие Дзампано — “Таймсом”…»[16], и просто эволюционирует в нарратив, текст Дзампано — это формально комментарий к «Пленке Нэвидсона», ее исследование. Более справедливо понятие «нарраториальный комментарий» именно к пояснениям повествователя используется в статьях А. А. Федотовой (2016), А. Е. Агратина (2016), Н. М. Зозули (2019), З. Рихарда (2022). Например, у последнего в статье понятие «нарраториальный комментарий» используется для разграничения в нарративе способов характеризации персонажа, наряду с немаркированной прямой речью, дискурсивными выражениями коллективного сознания в повествовани, в связи со «всеведением»

---

[13] *Гофман В.* Место Пильняка. С. 17.

[14] *Моисеева Е. Ю.* Роль комментариев нарратора в организации художественного целого романа Марка Z. Данилевского «Дом листьев» // Комментарий: теория и практика. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 290.

[15] Там же. С. 292.

[16] *Данилевский М. Z.* Дом листьев. Екатеринбург: Гонзо, 2016. С. 4.